

ПРАВО НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ)¹

© 2020 г. В. А. Кряжков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

E-mail: vladimir-kryazhkov@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.01.2020 г.

Аннотация. Статья посвящена конституционно-правовым проблемам права народов Российской Федерации (на примере Республики Карелия) на самоопределение. Дана общая характеристика этого права. В частности, раскрываются конституционные и международно-правовые основы права народов на самоопределение, особенности его реализации в России, в т.ч. с учетом статуса этнических сообществ, показано, что признание указанного права предполагает гарантирование его субъектам определенных коллективных и индивидуальных прав. Анализируются законодательство и практика осуществления названного права в Карелии. В этом контексте систематизируются нормы Конституции РК, подтверждающие национальный характер карельской государственности, обосновывается необходимость их конкретизации и развития применительно к вопросам, связанным с возникновением названной государственности, правовой идентификацией этносов, созданием национальных муниципальных образований (с пояснением, что они имеют смысл, если наделяются специальными полномочиями), участием этнических сообществ в принятии решений, затрагивающих их права и интересы (с позиций совершенствования имеющихся форм и процедур в данной сфере), защитой культурных прав — прав на родной язык и культурные ценности. Карельский опыт по обеспечению права этнических сообществ на самоопределения в различных его проявлениях соотносится с тем, как решаются подобные вопросы в других субъектах Российской Федерации.

Ключевые слова: Российская Федерация, Республика Карелия, право народов на самоопределение, коренные народы, национальные меньшинства, права этносов как субъектов права на самоопределение.

Цитирование: Кряжков В.А. Право народов на самоопределение в Российской Федерации (На примере Республики Карелия) // Государство и право. 2020. № 4. С. 96–107.

При написании статьи использована нормативно-правовая база СПС «КонсультантПлюс».

DOI: 10.31857/S013207690009239-4

THE RIGHT OF PEOPLES TO SELF-DETERMINATION IN THE RUSSIAN FEDERATION (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF KARELIA)

© 2020 V. A. Kryazhkov

National Research University Higher School of Economics, Moscow

E-mail: vladimir-kryazhkov@yandex.ru

Received 09.01.2020

¹ Основа статьи — доклад автора, сделанный на Международной научно-практической конференции «Коренные народы Карелии: история и современность» (г. Петрозаводск, 23–25 октября 2019 г.).

Abstract. The article is devoted to constitutional problems of the right of the peoples of the Russian Federation (on the example of the Republic of Karelia) to self-determination. A general description of this right is given. In particular, the constitutional and international legal foundations of the right of peoples to self-determination, the peculiarities of its implementation in Russia taking into account the status of ethnic communities are revealed. It is demonstrated that recognition of this right implies guaranteeing certain collective and individual rights to its subjects. The legislation and the practice of the implementation of this law in Karelia are analyzed. In this context, provisions of Karelian Constitution are systematized to confirm the national character of the Karelian statehood, the need for their concretization and development is substantiated. The required development refers to the emergence of the named statehood, legal identification of ethnic groups, the creation of national municipalities (with the explanation that they make sense if provided with special authority), the participation of ethnic communities in decision-making affecting their rights and interests (from the standpoint of improvements of existing forms and procedures in this area), the protection of cultural rights - the rights to the native language and cultural values. The Karelian experience in ensuring the right of ethnic communities to self-determination in its various manifestations is compared with the solution of similar issues in other constituent entities of the Russian Federation.

Key words: Russian Federation, Republic of Karelia, the right of peoples to self-determination, indigenous peoples, national minorities, the rights of ethnic groups as subjects of the right to self-determination.

For citation: Kryazhkov, V.A. (2020). The right of peoples to self-determination in the Russian Federation (On the example of the Republic of Karelia) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 96–107.

When writing the article, the regulatory framework of the PCA “ConsultantPlus” was used.

1. Право народов на самоопределение в Конституции РФ и международно-правовых актах

Самоопределение народов в общем виде представляет собой право каждого народа самостоятельно решать вопросы своего бытия и государственного устройства. Данное право отразила Декларация о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г.², в которой записано, что государственный суверенитет РСФСР провозглашается во имя высших целей, в т.ч. обеспечения каждому народу права на самоопределение в избранных им национально-государственных и национально-культурных формах (п. 4). Конституция РФ, признавая равноправие и самоопределение народов в качестве общепризнанных принципов (преамбула), закрепляет их в числе основ федеративного устройства Российской Федерации (ч. 3 ст. 5).

Указанный подход согласуется с нормами Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (ст. 1) и Международного пакта о гражданских и политических правах (ст. 1) от 16 декабря 1966 г.³ В соответствии с названными пактами «все народы имеют право на самоопределение», и в силу этого права народы «свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие», все государства обязаны «поощрять осуществление права на самоопределение и уважать это право». Схожее положение фиксируется в Декларации ООН 2007 г. о правах коренных

народов⁴, где записано: «Коренные народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие» (ст. 3).

Конституционные и международно-правовые положения о самоопределении народов, на наш взгляд, не дают оснований для законодательного оформления идей о единой российской нации. Они высказывались на заседании Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям (30 октября 2016 г.), но не нашли поддержки в обществе, в т.ч. из-за опасения, что российская нация станет нацией русских, а остальные народы потеряют свою этничность. По итогам дискуссии было принято решение вместо названного закона разработать закон «Об основах государственной национальной политики»⁵. К настоящему времени какая-либо информация по этому вопросу отсутствует.

2. Право народов на самоопределение в Российской Федерации как право на внутреннее самоопределение

Самоопределение народов происходит по-разному: оно может быть связано с независимостью, «вплоть до отделения»; с отказом от какой-либо независимости вообще; с передачей части своих прав сообществу, но с сохранением некоторых из

⁴ См.: Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 13 сентября 2007 г. М., 2019.

⁵ Зотова Н. Понятие «российская нация» должно быть закреплено в Конституции // Новая газ. 2016. 2 нояб. С. 5; Горюдецкая Н. Единство нации не выдержало критики // Коммерсантъ. 2017. 7 марта. С. 3.

² См.: Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 2, ст. 22.

³ Данные акты ратифицированы Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18.09.1973 г. (см.: Ведомости ВС СССР. 1973. № 40, ст. 564).

них, которыми данный народ хотел бы распоряжаться самостоятельно. Примером последнего может служить Гренландия, в которой населяющие ее эскимосы дополнительно к имеющейся автономии в составе Дании заявили о своем праве на все природные ресурсы острова, и данное притязание (на основе соответствующих демократических процедур) было удовлетворено⁶.

Применительно к России основополагающая идея права на самоопределение заключается прежде всего в том, что Российская Федерация — форма государства самоопределившихся в его границах всех проживающих в нем народов, образующих в своей совокупности общность, именуемую «многонациональным народом». Конституция РФ объявляет его носителем суверенитета и единственным источником власти в России (ч. 1 ст. 3). Именно поэтому она допускает как бы вторичное самоопределение расселенных на ее территории народов только в пределах Российской Федерации с сохранением исторически сложившегося государственного единства. Говоря иначе, исключается самоопределение, связанное с правом на отделение, и речь идет только о внутреннем самоопределении, в соответствии с которым народам (этническим общностям) России предоставляется определенный объем юрисдикции в отношении вопросов своего развития и участия в управлении делами государства⁷, причем данная юрисдикция обусловлена Конституцией РФ, федеральным и соподчиненным с ним региональным законодательством.

3. Общие характеристики права народов на самоопределение

Признание и закрепление права народов на самоопределение является не самоцелью, а средством, обеспечивающим данным народам защиту от угроз их существованию и нормальному воспроизводству собственной суверенной жизнедеятельности во всех её проявлениях.

Субъектами права на самоопределение в Российской Федерации являются:

русский народ как доминирующий в составе населения страны, для которого государственно-правовой формой реализации его права самоопределение признается в целом Российская Федерация⁸;

народы, давшие имя соответствующему субъекту Российской Федерации (или титульные

народы), которые реализуют право на самоопределение в форме национально-государственных образований — субъектов Российской Федерации⁹;

коренные малочисленные народы, самоопределение которых связано с международно-правовым и конституционным признанием их особого статуса, и, в частности, прав на земли (территории) исконного проживания, традиционное природопользование, сохранение и развитие традиционного образа жизни и самобытной культуры; в России, если исходить из Конституции РФ и федерального законодательства, оно может осуществляться данными народами в таких формах, как создание национально-территориальных образований, территорий традиционного природопользования, национально-культурных автономий, общин и иных объединений коренных малочисленных народов;

этнические общности, находящиеся в состоянии национального меньшинства на соответствующей территории (или национальные меньшинства), самоопределение которых увязывается с защитой этих сообществ от дискриминации и созданием условий для сохранения и развития их национально-культурной самобытности, т.е. в данном случае не подразумевается какое-либо национально-территориальное самоопределение в форме субъекта Российской Федерации, а речь идет о национально-культурном самоопределении указанных общностей согласно международно-правовым актам и российскому законодательству; формами такого самоопределения в Российской Федерации являются национально-культурные автономии как вид объединений граждан, относящих себя к определенной этнической общности, а также иные объединения граждан национально-культурной направленности¹⁰.

Право на самоопределение предполагает, что названным субъектам гарантируются определенные коллективные и индивидуальные права, получившие закрепление в международных правовых актах, Конституции РФ (ст. 3, 5, 9, 13, 19, 26, 29, 30, 32, 55, 68, 69) и российском законодательстве.

⁹ Если даже признать, что субъект Российской Федерации — это форма самоопределения его народа в целом, то в любом случае доминирующим, ведущим элементом в выборе такой формы выступает этнический элемент — титульный народ (см.: *Хабриева Т.Я.* Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. М., 2010. С. 139).

¹⁰ На это обращалось внимание в Постановлении Конституционного Суда РФ от 03.03.2004 г. № 5-П (см.: СЗ РФ. 2004. № 11, ст. 1033); см. также: Определение Конституционного Суда РФ от 09.03.2017 г. № 462-О // СПС «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был). Вместе с тем, отметим, что российская практика свидетельствует, что для решения проблем этнических сообществ, находящихся в ситуации национального меньшинства, иногда создаются национальные административно-территориальные единицы. Примеры такого рода приводятся далее в настоящей статье.

⁶ См.: *Иванова А.* Гренландский хит // *Коммерсантъ*. 2008. 27 нояб. С. 10; *Шестаков Е.* Швамбрия во льдах // *Росс. газ*. 2009. 21 мая. С. 6.

⁷ См.: *Осипов А.Г.* Международно-правовые аспекты культурной автономии // *Право. Журнал ВШЭ*. 2012. № 3. С. 163.

⁸ См.: *Кокотов А.Н.* Русская нация и российская государственность. Екатеринбург, 1994. С. 60; *Карапетян Л.М.* Федеративное государство и правовой статус народов. М., 1995. С. 55.

К ним относятся: право народов на существование и развитие; право на равноправие народов, на равенство прав и свобод человека и гражданина не зависимо от расы, национальности и языка; право на исконные территории и проживание в их границах, в т.ч. в границах соответствующего субъекта Российской Федерации, а также на природные ресурсы как основы жизни и деятельности народов на этих территориях; право на участие в управлении делами государства, на самоуправление, на создание собственных объединений; право на национально-культурную автономию, включающую права каждого на этническую самоидентификацию, на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества, а также право народов на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. Дополняют эти права запрет создания и деятельности общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни; запрет пропаганды или агитации, возбуждающих социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду; запрет пропаганды социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 13 марта 1992 г. № 3-П¹¹ отмечалось, что право на самоопределение народа предполагает наличие у субъекта Российской Федерации права на постановку вопроса о своем государственно-правовом статусе. В названном Постановлении также обращалось внимание на то, что при реализации любого права, в т.ч. и права на самоопределение, необходимо признание и уважение прав других, в противном случае «будет иметь место не осуществление права, а злоупотребление правом»; «не отрицая права народа на самоопределение, осуществляемого посредством законного волеизъявления, следует исходить из того, что международное право требует при этом соблюдения принципа территориальной целостности и прав человека».

Самоопределение — это не только явление, связанное с одномоментным решением этноса, оно представляет собой непрекращающийся процесс, в котором достижение одной цели обуславливает другие, обретение формы ставит задачу качества и т.д.¹² Данный процесс не всегда есть однолинейное наращивание прав, обеспечивающих

автономность; самоопределение может быть связано и с добровольным отказом от этих прав, выражающемся, например, в стремлении к аккультурации, согласии на понижение статуса национально-территориального образования¹³ или в отказе от него¹⁴.

4. Некоторые конституционно-правовые вопросы, связанные с самоопределением этносов в Республике Карелия

Общая численность населения Республики Карелия по итогам переписи населения России 2010 г. 643 тыс. чел., из которых русские составляют 507 тыс. (78.8%), карелы 45 570 (7%, в Республике проживает 70% карелов от их общей численности в Российской Федерации), вепсы 3423 (0.53%, в Республике проживает 60% от их общей численности в Российской Федерации) и финнов 8577 (1.3%, в Республике проживает 42% от их общей численности в Российской Федерации)¹⁵.

Конституция Республики Карелия¹⁶ содержит ряд положений, из которых можно сделать вывод о признании особого статуса карелов, вепсов и финнов как реализующих свое право на самоопределение в Республике. В частности, это следует из того, что принятие Конституции РК увязывается с волей населения Республики Карелия к сохранению исторически сложившейся государственности (преамбула); закрепляются наименования «Республика Карелия», «Карелия», «Карьяла» как равнозначные (ч. 4 ст. 1); подтверждается, что исторические и национальные особенности Республики определяются проживанием на ее территории карелов (ч. 5 ст. 1); в Республике допускается создание национальных муниципальных образований (ст. 10); народам Карелии гарантируется право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития; не исключается установление дополнительно к русскому иному государственного языка Республики Карелия (ст. 11); Республика Карелия осуществляет меры по возрождению, сохранению и свободному развитию карелов, вепсов и финнов (ст. 21); Правительство Республики осуществляет

¹³ Примером в данном отношении может служить ситуация, когда Карело-Финская ССР (1940–1956) в составе СССР стала Карельской Автономной Республикой в составе РСФСР.

¹⁴ Подобное имело место, когда в Российской Федерации в 2003–2007 гг. в результате объединения регионов с учетом итогов соответствующих референдумов были упразднены автономные округа: Коми-Пермяцкий, Таймырский (Долгано-Ненецкий), Эвенкийский, Корякский, Усть-Ордынский и Агинский Бурятский, а вместо них в тех же границах были образованы административно-территориальные единицы с особым статусом.

¹⁵ См.: Данные о численном составе населения Республики Карелия по итогам переписи России 2010 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf

¹⁶ См.: Конституция Республики Карелия (с изм. на 01.07.2019 г.) // Карелия. 2001. № 18 (718).

¹¹ См.: Вестник Конституционного Суда РФ. 1993. № 1.

¹² См.: Соколовский С.В. Образы других в российской науке, политике и праве. М., 2001. С. 122; Хабриева Т.Я. Указ. соч. С. 30.

в пределах своих полномочий меры по обеспечению государственных гарантий равенства прав, свобод и законных интересов человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств; предотвращению ограничения прав и дискриминации по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности; сохранению и развитию этнокультурного многообразия народов Российской Федерации, проживающих на территории Республики Карелия, их языков и культуры; защите прав коренных малочисленных народов и других национальных меньшинств (ч. 1.1 ст. 57). Приведенные положения закрепляют национальный характер карельской государственности, но они достаточно типичны для конституций республик Российской Федерации¹⁷.

Вместе с тем с позиций права этносов на самоопределение можно было бы дополнить и уточнить Конституцию и законодательство Республики Карелия некоторыми нормами.

Первое. Это касается положения преамбулы Конституции об исторически сложившейся государственности Республики Карелия. Оно может быть конкретизировано по примеру некоторых действующих конституций республик в составе Российской Федерации, путем обозначения момента возникновения данной государственности, связанной с образованием 8 июня 1920 г. Карельской трудовой коммуны как государственно-правовой формы политического самоопределения карелов в составе РСФСР, преобразованной в последующем в Карельскую АССР (25.07.1923 г.)¹⁸. Указанный факт официально признается установлением Дня Республики Карелия, коим является 8 июня — день подписания в 1920 г. постановления ВЦИК «Об образовании Карельской трудовой коммуны»¹⁹. На

нем основан и Указ Президента РФ от 24 мая 2013 г. № 517 «О праздновании 100-летия образования Республики Карелия»²⁰ в 2020 г.

Второе. Можно было бы расширить положения Конституции Республики относительно идентификации карелов и вепсов в части признания карелов в качестве коренного народа, а вепсов — коренного малочисленного народа. При этом следует исходить из того, что:

подобное уточнение имеет конституционно-правовое значение, поскольку сопрягается с правами данных народов;

Конституция РФ гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации (ст. 69), а вепсы непосредственно отнесены к таким народам²¹ и могут пользоваться всем объемом прав, установленных законодательством для этих народов²²;

субъектообразующие (титульные) народы республик в Конституции РФ не называются и непосредственно не характеризуются, но по смыслу ее положений (преамбула, ст. 3, 9, 68) данные народы — реально существующие этносы, которые могут определяться как коренные народы, поскольку для них территория соответствующей республики — родная земля и историческая родина, источник экономического благополучия, уникальной культуры и языковой идентичности. Именно с учетом названных обстоятельств, например, Конституционный суд Республики Саха (Якутия) разъяснил, что используемое в Конституции Республики понятие «коренной народ» (ст. 42) распространяется на якутский народ (Постановление от 21.10.2016 г. № 4-П²³). Карелы — народ, давший имя Республике Карелия, исконный самобытный народ её территории, которая принадлежит ему на праве

¹⁷ См.: Сафина С.Б. Современное состояние и пути совершенствования конституционного законодательства республик в составе Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 25–27.

¹⁸ См.: Всероссийский съезд представителей трудящихся карелов 1–3 июня 1920 г. Первый Всероссийский Съезд Советов 11–18 февраля 1921 г. Протоколы. Петрозаводск, 1990; Советы Карелии. 1917–1992. Документы и материалы. Петрозаводск, 1993. М.А. Митюков, анализируя природу Трудовой коммуны, приходит к выводу, что она основывалась на Конституции РСФСР 1918 г. (ст. 11) и являлась самостоятельной переходной формой от административной к политической, поскольку ей были присущи черты автономной области и автономной республики (см.: Митюков М.А. О правовом положении Трудовой коммуны как формы автономии // Актуальные вопросы правоведения в период совершенствования социалистического общества: сб. ст. / отв. ред. В.Ф. Волович. Томск, 1989. С. 52, 53).

¹⁹ См.: Закон Республики Карелия от 27.04.1999 г. № 346-ЗРК «Об установлении Дня Республики Карелия» // СЗ РК. 1999. № 4, ст. 434.

²⁰ См.: СЗ РФ. 2013. № 44, ст. 2626.

²¹ См.: Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, утвержден постановлением Правительства РФ от 24.03.2000 г. № 255 // СЗ РФ. № 14, ст. 1493; Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, утвержден распоряжением Правительства РФ от 17.04.2006 г. № 536-р // СЗ РФ. 2006. № 17 (ч. 2), ст. 1905.

²² См., напр.: Федеральный закон от 30.04.1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 18, ст. 2208; Федеральный закон от 20.07.2000 г. № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. № 30, ст. 3122; Федеральный закон от 07.05.2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 20, ст. 1972.

²³ См.: Ил Тумэн. 2016. 28 окт. № 43.

родной земли, и, соответственно, данный народ может именоваться в качестве коренного народа. Тем более что в различных официальных республиканских документах карелы так и определяются²⁴. Это, в свою очередь, обуславливает их права на сохранение своей государственности, исконной территории проживания, наименование Республики и другие права (в объёме не меньшем, чем они установлены международно-правовыми актами для коренных народов или российскими законами для коренных малочисленных народов), обеспечивающие национально-культурную и языковую идентичность карельского народа.

Что касается финнов, проживающих в Карелии, то можно говорить об их эволюции: если в прошлом они были субъектообразующим коренным народом (в период существования Карело-Финской ССР), то в настоящее время по своим характеристикам данное этническое сообщество де-факто, на наш взгляд, является национальным меньшинством²⁵. Сообразно с этим на них распространяются положения Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств (ратифицирована Федеральным законом от 18.06.1998 г. № 84-ФЗ²⁶) и Федерального закона от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии»²⁷. Дополнительно необходимо учитывать постановление Верховного Совета РФ от 29 июня 1993 г. № 5291-1 «О реабилитации российских финнов»²⁸, которым они были восстановлены в своих правах, им гарантировалась государственная помощь в культурном и хозяйственном обустройстве на территории Российской Федерации. Республика Карелия не лишена возможности (с учетом установлений п. «б» ч. 1 ст. 72 и ч. 2 ст. 76 Конституции РФ) уравнивать положение финнов со статусом карелов и вепсов в части прав, обеспечивающих сохранение их

культурной самобытности (религии, языка, традиций и культурного наследия).

Третье. Требуют дополнительного урегулирования отношения, связанные с созданием в Республике Карелия национальных муниципальных образований. Таковыми признаются Олонецкий, Пряжский и Калевальский муниципальные районы²⁹, созданные в местах компактного проживания карелов, и вепские сельские поселения на территории Прионежского муниципального района – Шелтозерское, Шокшинское и Рыборецкое³⁰. Названные административно-территориальные единицы призваны способствовать развитию соответствующих этносов и, таким образом, более полной реализации ими права на самоопределение.

Допускает ли российское законодательство выделение подобных административно-территориальных единиц? Конституция РФ непосредственно не затрагивает данного вопроса, но устанавливает, что местное самоуправление осуществляется с учетом исторических и иных местных традиций (ч. 1 ст. 131). Схожее положение (во взаимосвязи с наименованием муниципальных образований) содержит Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ч. 4 ст. 9.1)³¹. Это может рассматриваться в качестве правовой основы для существования национальных административно-территориальных единиц (видов территорий местного самоуправления)³².

Вместе с тем создание таких единиц (муниципальных образований) имеет смысл, если они наделяются специальным статусом, элементами которого являются нормы, определяющие: основания и процедуры образования и упразднения указанных единиц, увязанные с волеизъявлением

²⁴ См.: Стратегия национальной политики в Республике Карелия до 2025 года, утверждена распоряжением Правительства РК от 13.11.2015 г. № 699-рП // СЗ РК. 2015. № 11 (ч. 1), ст. 2142; Государственная программа «Этнонациональное и этнокультурное развитие территорий традиционного проживания коренных народов», утверждена постановлением Правительства РК от 24.01.2018 г. № 22-П // СЗ РК. 2018. № 1, ст. 67.

²⁵ Подобная трансформация, например, наблюдается и в ситуации с коми-пермяками: в период с 1925 по 2005 г. у них было собственное национально-территориальное образование – национальный (автономный) округ, они определялись как коренное население и составляли в нем большинство (59% к общему числу населения округа), но после объединения в 2004 г. данного округа с Пермской областью во вновь образованном субъекте Российской Федерации – Пермском крае указанное этническое сообщество составляет 3% от общей численности населения края, т.е. оно уже в настоящий момент находится в состоянии национального меньшинства.

²⁶ См.: СЗ РФ. 1998. № 25, ст. 2833.

²⁷ См.: СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2965.

²⁸ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 22, ст. 1119.

²⁹ См.: Закон Республики Карелия от 01.12.2004 г. № 825-ЗРК «О муниципальных районах в Республике Карелия» // СЗ РК. 2004. № 12, ст. 1392.

³⁰ См.: Закон Республики Карелия от 01.11.2004 г. № 813-ЗРК «О городских, сельских поселениях в Республике Карелия» // СЗ РК. 2004. № 11 (ч. 1), ст. 1246. В период с 1994 по 2004 г. названные поселения входили в состав Вепской национальной волости. Об истории её образования, статусе и упразднении см.: *Строгальщикова З.И.* Вепсы в этнокультурном пространстве Европейского Севера. Петрозаводск, 2016. С. 143–150.

³¹ См.: СЗ РФ. 2003. № 40, ст. 3822.

³² В настоящее время возможность создания национальных административно-территориальных единиц предусмотрена Конституцией (Основным законом) Республики Саха (Якутия) (ст. 43), Уставом Красноярского края (ст. 32), Уставом (Основным законом) Алтайского края (ст. 4), Уставом Омской области (ст. 22). К подобным же образованиям можно отнести административно-территориальные единицы с особым статусом, учрежденные вместо ранее существовавших в Российской Федерации автономных округов (см. уставы Пермского края (ст. 6, 35–43), Забайкальского края (ст. 105), Камчатского края (ст. 12, 29–31), Иркутской области (ст. 13, 15–20).

населения соответствующих территорий; специальное представительство в органах муниципальной власти тех, ради кого создано национальное образование, а также представительство от национальных муниципальных районов в республиканском парламенте; расширенную компетенцию (в т.ч. за счет переданных государственных полномочий) органов муниципальной власти, позволяющую им при надлежащем целевом финансировании решать вопросы этнокультурного развития национальных групп; возможность населению и органам муниципальной власти национальных административно-территориальных единиц участвовать в обсуждении законопроектов, затрагивающих их права и законные интересы. Действующее же в Карелии законодательство ничего подобного не предусматривает, и уставы, например, названных выше национальных муниципальных районов никак не отражают приданной им особенности (только в преамбуле Устава Пряжского района обозначена нацеленность данного образования на решение национально-культурных вопросов народов, традиционно проживающих в его границах). В этой ситуации возможно было бы правильно восстановить в обновленном виде (в контексте современной конституционно-правовой реальности и опыта правового регулирования в субъектах Российской Федерации³³) ранее действующий в Республике Закон «О правовом статусе национального района, национального поселкового и сельского Советов в Республике Карелия»³⁴. Отсутствие такого закона обесценивает положение Конституции Карелии о допустимости создания в Республике национальных муниципальных образований.

Четвертое. Целесообразно упорядочить отношения, связанные с правом коренных народов на участие в процессе принятия законодательных, административных и иных решений, затрагивающих их права и интересы. При этом важно отметить, что современное понимание такого участия предполагает:

во-первых, получение от данных народов свободного, предварительного и осознанного согласия относительно принимаемых мер, затрагивающих их права и интересы (ст. 19, 28–30, 32 Декларации ООН о правах коренных народов);

во-вторых, оно должно осуществляться постоянно, на основе установленных правил³⁵, определяющих: цели консультаций, их пределы, действие в пространстве и во времени; субъекты, уполномоченные участвовать в консультациях и выражать официальное мнение от лица органов публичной власти, юридических лиц и сообщества коренных народов; круг вопросов, по которым проводятся консультации с коренными народами; порядок предоставления информации по вопросам, составляющим предмет консультаций, и ее публичное раскрытие; принципы, формы и технологии проведения консультаций; оформление результатов консультаций в виде соглашения, заключаемого сторонами в письменной форме.

Дополнительно к этому необходимо оптимизировать взаимоотношения этнических объединений с органами публичной власти. Важность указанного вопроса понятна, если учесть, что в Карелии по состоянию на 2019 г. только на республиканском уровне (по данным Министерства национальной и региональной политики РК) функционирует 18 объединений карелов, 5 – вепсов и 4 – финнов. Формой такой оптимизации являются Совет представителей карелов, вепсов и финнов при Главе Республики Карелия³⁶ и Консультативный совет по вопросам взаимодействия с национальными общественными объединениями, в т.ч. национальными культурными автономиями при Министерстве национальной и региональной политики Республики Карелия³⁷. Следуя в этом направлении, можно было бы:

поразмывать о возможности коренных народов Карелии иметь при Законодательном собрании Республики своих уполномоченных представителей, наделенных правами выражать мнение при принятии решений, затрагивающих права и интересы этнических сообществ. Данный институт апробирован в некоторых субъектах Российской Федерации³⁸ и в определенной степени представляет

³⁵ Рекомендации по этому вопросу см.: Свободное, предварительное и осознанное согласие. Право коренных народов и рекомендуемые методы работы с общинами. Практическое руководство для персонала проектных команд. ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций), 2017.

³⁶ Положение о данном Совете утверждено Постановлением Председателя Правительства РК от 22.06.2001 г. № 154 (см.: СЗ РК. 2001. № 6, ст. 824).

³⁷ Положение о данном Совете утверждено приказом Министра от 29.06.2018 г. № 137 (см.: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 4.07.2018).

³⁸ Подобный институт учрежден в Сахалинской области (см.: Закон Сахалинской области от 31.12.2003 г. № 463 «О представителе коренных малочисленных народов при Сахалинской областной Думе» // Губернские ведомости. 2004. № 2). Другой пример – Собрание представителей Агинского Бурятского округа при Законодательном собрании Забайкальского края, которое образуется парламентом на срок его полномочий и призвано как консультативно-совещательный орган

³³ См., напр.: Закон Республики Саха (Якутия) от 27.01.2005 г. 207-3 № 419-III «О статусе национального административно-территориального образования в местностях (на территориях) компактного проживания коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» // Ил Тумэн. 2005. № 6.

³⁴ Данный Закон утратил силу на основе Закона Республики Карелия от 15.06.2001 г. № 505-ЗРК «О признании утратившим силу Закона Республики Карелия “О правовом статусе национального района, национального поселкового и сельского Советов в Республике Карелия”» // СЗ РК. 2001. № 6, ст. 712.

собой своеобразную компенсацию «недопредставительства» названных народов в региональных парламентах;

придать большую правовую определенность Съезду карелов Республики и Совету уполномоченных данного Съезда. В настоящее время они представляют собой исторически сложившуюся форму самоорганизации карельского народа, которая по своим характеристикам может квалифицироваться как вид общественного движения (ст. 9 Федерального закона от 19.05.1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»³⁹)⁴⁰. Съезд наделяется правом делегировать представителей карелов в упомянутый выше Совет при Главе Республики, а по резолюциям Съезда традиционно принимаются решения Правительства или Главы Республики, содержащие соответствующие поручения органам исполнительной власти⁴¹. Данную практику можно рассматривать как свидетельство поддержки и легализации этого института самоопределения карельского народа. Её целесообразно юридически закрепить и дополнить, наделив, например, Съезд карелов Республики и его Совет уполномоченных представителей Съезда правом законодательной инициативы в Законодательном собрании Республики⁴²;

урегулировать в целом отношения, связанные с институтом уполномоченного представителя

формировать предложения по защите законных интересов народов, проживающих на территории указанного округа, их прав на сохранение самобытности, культуры, языка, обычаев и традиций (ч. 3 ст. 106 Устава Забайкальского края).

³⁹ См.: СЗ РФ. 1995. № 21, ст. 1930.

⁴⁰ Отметим, такой же статус имеет Съезд марийского народа и его орган – Всемарийский совет – Мер канаш в Республике Марий Эл. Однако в Республике Коми Съезд коми народа является высшим руководящим органом межрегионального общественного движения «Коми войтыр». В Мордовии Съезд мордовского народа также определяется как высший орган межрегионального движения названного народа, но в Удмуртской Республике проходят Всеудмуртские съезды межрегиональной общественной организации «Всеудмуртская ассоциация “Удмурт кенеш”».

⁴¹ См., напр.: распоряжение Правительства РК от 05.08.2014 г. № 476-р «О реализации резолюции VII Съезда карелов Республики Карелия» // СПС «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был). Можно отметить, что практика государственной поддержки съездов коренных народов республик достаточно типична (см.: распоряжение Главы Республики Марий Эл от 08.04.2019 г. № 69-рг «О подготовке и проведении XI Съезда марийского народа» // Интернет-портал Республики Марий Эл. URL: <http://mari-el.gov.ru>; Указ Главы Республики Мордовия от 04.02.2019 г. № 27-УГ «О содействии в подготовке и проведении VII Съезда мордовского (мокшанского и эрзянского) народа» // Известия Мордовии. 2019. 6 февр.; распоряжение Правительства Республики Удмуртия от 19.11.2012 г. № 944-р «О проведении VII (внеочередного) Всеудмуртского съезда межрегиональной общественной организации “Всеудмуртская ассоциация “Удмурт кенеш”»». URL: <https://udmurtia-gov.ru/do>

⁴² Таким правом, например, обладает Съезд мордовского народа (ст. 85 Конституции Республики Мордовия).

коренных народов⁴³, т.е. определить статус их организаций и лиц, имеющих право выступать от имени соответствующих этнических сообществ во взаимодействии с органами публичной власти, промышленниками и международными структурами. Специальным законом Республики можно было бы установить: цели и задачи данного представительства; круг субъектов, способных выступать в качестве уполномоченного представителя народа на муниципальном и региональном уровнях; способы, используемые этническим сообществом для наделения субъектов (физических лиц и организаций) правом представлять его; процедуру признания субъекта как уполномоченного этнической общности со стороны соответствующего органа публичной власти, ведающего делами коренных народов; направления деятельности, правомочия и ограничения субъектов по представительству этнических сообществ; общие принципы и формы отношений представляемых и представителей, способы, позволяющие контролировать представляемым деятельность представляющих и гарантировать адекватность выражения ими интересов соответствующих народов, а также разрешать разногласия, возникающие между уполномоченными представителями и представляемыми, прекращать по инициативе представляемых полномочия соответствующих представителей⁴⁴.

Совершенствуя традиционные государственно-правовые формы участия этнических сообществ в принятии решений, затрагивающих их права и интересы, целесообразно дополнять их, ориентируясь на возможности Интернета⁴⁵ и новые практики, связанные с созданием ассамблей, парламентов и жюри граждан, проведением консенсусных конференций и др.⁴⁶

⁴³ Данный институт признается Федеральным законом «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (п. 5 ст. 1). В этом качестве, например, в Норвегии, Финляндии и Швеции выступает соответствующий парламент саами (см.: *Андреев К.Ю.* Правовой статус коренных малочисленных народов в зарубежных странах: справочник. М., 2006. С. 89–91, 129–122, 137–140), а в Австралии – один из представительных органов аборигенов, отвечающий установленным требованиям и получивший право представлять сообщество коренных народов по правилам «процедуры признания» (см.: там же. С. 37, 38).

⁴⁴ Подробнее по этому вопросу см.: *Кряжков В.А.* Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М., 2010. С. 153–156.

⁴⁵ В данном отношении интерес могут представлять предложения по использованию информационных технологий в процедурах голосования по наиболее значимым для граждан вопросам, например, в такой форме, как краудсорсинг (см.: *Кравец И.А.* Глобальный и отечественный конституционализм в условиях формирования интеграционного права: конституционная теология, футуризм и структура современных конституций // *Право и политика.* 2019. № 10. С. 1–23).

⁴⁶ См.: *Руденко В.Н.* Формы алеаторной демократии: генезис и развитие // *Науч. ежегодник ИФП Урал. отд. РАН.* Т. 18. Вып. 4. 2018. С. 97–125.

Пятое. О гарантировании культурных прав коренных народов Карелии. Данные права получают отражение в республиканском законодательстве⁴⁷. При этом их реализация обеспечиваются преимущественно принятием разного рода региональных программ и проведением соответствующих мероприятий, нацеленных на этносоциальное и этнокультурное развитие карелов, вепсов и финнов⁴⁸. Об успешности такой политики свидетельствуют опросы представителей, относящихся к названным этносам: 80% из них позитивно оценивают имеющиеся возможности реализовывать свои права на этнокультурное развитие; 77,3% удовлетворены мероприятиями, направленными на сохранение этнокультурных традиций, изучение языка коренных народов, работой средств массовой информации на национальных языках⁴⁹.

Вместе с тем некоторые сложности в данном отношении привносятся федеральным законодательством. В частности, действующая редакция Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»⁵⁰ устанавливает правомочие федеральных органов государственной власти утверждать федеральный государственный образовательный стандарт (п. 6 ст. 6) и не упоминает ранее признаваемого регионального (национально-регионального компонента) государственных образовательных стандартов (положение об этом компоненте в 2016 г. также было удалено и из ст. 29 Конституции РК); субъекты Российской Федерации наделяются полномочием разрабатывать и реализовывать региональные программы развития образования с учетом региональных социально-экономических, экологических, демографических, этнокультурных и других особенностей (п. 1

ч. 1 ст. 8)⁵¹. Такой подход несколько сузил возможности республик по учету интересов национальных культур и традиций в образовательном процессе.

Еще большие трудности создали поправки, внесенные в указанный Федеральный закон 3 августа 2018 г.⁵² В частности, дополнительно к положению о том, что изучение государственных языков республик Российской Федерации, получение образования на родном языке и изучение родных языков из числа языков народов Российской Федерации обеспечивается в пределах возможностей, предоставляемых системой образования (ч. 4 ст. 14), было установлено: свободный выбор языка образования, изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации, в т.ч. русского языка как родного языка, государственных языков республик Российской Федерации осуществляется по заявлениям родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся при приеме (переводе) на обучение по образовательным программам дошкольного образования, имеющим государственную аккредитацию образовательным программам начального общего и основного общего образования (ч. 6 ст. 14).

Подобное регулирование, на наш взгляд, ведет к использованию родных (национальных) языков в системе образования по остаточному принципу и, как следствие, конфликтует с правом коренных народов на национально-культурное самоопределение, по сути, способствует вытеснению их родных языков, в т.ч. имеющих статус государственного языка⁵³, что не вполне согласуется с Конституцией РФ (ст. 1, 5, 26, 68, п. «е» ч. 1 ст. 72). В качестве смягчающей меры в данной

⁴⁷ См.: Закон Республики Карелия от 19.03.2004 г. № 759-ЗРК «О государственной поддержке карельского, вепского и финского языков в Республике Карелия» // СЗ РК. 2004. № 3, ст. 251; Закон Республики Карелия от 30.12.2005 г. № 952-ЗРК «О культуре» // СЗ РК. 2005. № 12 (ч. 1), ст. 1256.

⁴⁸ См.: Государственная программа «Этнонациональное и этнокультурное развитие территорий традиционного проживания коренных народов» (2018); План мероприятий по проведению Года карельского языка и национальной культуры, утвержден распоряжением Главы Республики Карелия от 27.06.2013 г. № 191-р // Официальный интернет-портал Республики Карелия. URL: <http://www.gov.karelia.ru>, 27.06.2013; План мероприятий Международного года языков коренных народов в Республике Карелия на 2019 г., утвержден распоряжением Правительства РК от 27.11.2018 г. № 743-р-П // Официальный интернет-портал Республики Карелия. URL: <http://www.gov.karelia.ru>, 27.11.2018.

⁴⁹ См.: *Иноземцева В.А.* Национальная политика Республики Карелия по этнокультурному развитию коренных народов // Карелия – приграничный регион России в XX–XXI веках: формирование и становление карельской государственности в составе СССР/России: сб. докладов Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию образования карельской государственности (7–8 июля 2018 г., г. Петрозаводск) / отв. ред. О.И. Кулагин. Петрозаводск, 2018. С. 117.

⁵⁰ См.: СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1), ст. 7598.

⁵¹ См.: Закон Республики Карелия от 20.12.2013 г. № 1755-ЗРК «Об образовании» // СЗ РК. 2013. № 12 (ч. 1), ст. 2194. Указанный Закон воспроизводит данное положение (ст. 7), но при этом оно конкретизировано только в части преподавания и изучения карельского, вепского и финских языков в государственных образовательных организациях Республики Карелия (ст. 8).

⁵² См.: Федеральный закон от 03.08.2018 г. № 317-ФЗ «О внесении поправок в статьи 11 и 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 32 (ч. 1), ст. 5110.

⁵³ На это, например, обращали внимание участники совещания (представители системы образования, филологи, ученые), организованного Комитетом Совета Федерации по науке, образованию и культуре (см.: Стенограмма совещания на тему «О ходе реализации положений Федерального закона «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»». Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре. 23 апреля 2019 года // Рукопись. Архив члена Совета Федерации В.П. Маркова), которые говорили о сокращении числа учащихся, изучающих родные языки, уменьшении численности специалистов по данным языкам, о том, что исчезают родные языки северных народов, для значительной части которых родным языком становится не национальный, а русский язык. Схожие оценки находят отражение и в отдельных публикациях (см.: *Горюнов М.* Ни слова по-татарски // Новая газ. 2018. 22 авг. С. 10; *Курбатов Р.* Если мой язык умрет // Новая газ. 2019. 16 сент. С. 12).

ситуации можно рассматривать Указ Президента РФ от 26 октября 2018 г. № 611 «О создании Фонда сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации»⁵⁴ (с учетом, что Фонд должен содействовать подготовке школьных учебников и программ по родным языкам, развивать альтернативные формы обучения в указанной сфере).

При таких обстоятельствах возникает специфический для Карелии вопрос: в отличие от всех других республик в Российской Федерации, родному языку титульного народа — карелов не придан статус государственного: стоит ли прилагать усилия для изменения этого положения с учетом возможностей, предоставленных Конституцией РФ (ч. 2 ст. 68) и Конституцией РК (ст. 11)? Данная ситуация уже более двух десятилетий является источником напряженности между республиканскими органами власти и сообществом карелов. И она, на наш взгляд, должна разрешаться с позиций права народа на самоопределение, с пониманием, что при любой языковой политике родной язык народа в статусе государственного языка все же более востребованный и потому становится более защищенным⁵⁵.

И еще один вопрос в контексте культурного самоопределения коренных народов: о праве данных народов на свое культурное наследие, в т.ч. на археологические и исторические памятники, останки древней материальной культуры, рисунки, обряды, традиционные знания и технологии, изобразительное и исполнительное искусство, устное творчество, литературу и др. Оно непосредственно закрепляется в ст. 31 Декларации ООН о правах коренных народов. При этом названное право основано на понимании того, что культурное наследие является важным элементом идентификации указанных народов как самобытных этносов, и, следовательно, обретая права на культурное наследие во всем его многообразии, они должны получать и возможность решать вопросы его охраны, использования и популяризации. Данные отношения пока не получают адекватного правового регулирования на федеральном уровне⁵⁶.

⁵⁴ См.: СЗ РФ. 2018. № 44, ст. 6717.

⁵⁵ См.: *Кряжков В.А.* Государственный язык республики в контексте карельской ситуации: конституционно-правовые вопросы // Государство и право. 2018. № 5. С. 52–59; *Филиппова Н.А.* Языковая, культурная и религиозная идентичность коренных народов: новые региональные практики обеспечения в Сибири // Мир Большого Алтая. 2019. № 5 (3). С. 435.

⁵⁶ См., напр.: Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 26, ст. 2519. О проблемах и возможных правовых решениях по вопросу права коренных народов на культурное наследие см.: *Кряжков В.А.* Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. С. 406–440; *Авдеева В.П.* Механизмы защиты интеллектуальных прав на нематериальное наследие коренных малочисленных народов // Вестник Сургутского гос. ун-та. Вып. 3 (21). Юрид. науки. Сургут, 2018. С. 4–8.

Вместе с тем некоторые субъекты Российской Федерации в пределах своих полномочий стремятся гарантировать права народов в рассматриваемой сфере. Именно с этих позиций можно оценивать:

положение Конституции Удмуртской Республики, согласно которому: «Объекты собственности Удмуртской Республики, имеющие наиболее важное значение для жизнеобеспечения республики либо для сохранения ее материальной и духовной культуры, подлежат отчуждению с согласия Государственного Совета Удмуртской Республики. Перечень таких объектов устанавливается законом Удмуртской Республики в соответствии с федеральным законодательством» (ст. 26);

Закон Ханты-Мансийского автономного округа от 8 ноября 2005 г. № 92-оз «О святынях коренных малочисленных народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре»⁵⁷;

законодательство Ямало-Ненецкого автономного округа, включающего такие нормативные правовые акты, как законы «О фольклоре коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе» (от 03.12. 2007 г. № 110-ЗАО)⁵⁸ и «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, расположенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» (от 26.05.2015 г. № 52-ЗАО)⁵⁹, а также постановление Правительства ЯНАО от 25 июля 2011 г. № 476 «О правовом режиме объектов нематериального культурного наследия коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа»⁶⁰.

Республика Карелия, где права коренных народов на культурное наследие никак не обозначены, могла бы с учетом приведенного опыта дополнить свое законодательство соответствующими правовыми актами.

* * *

Право народов на самоопределение в России — конституционное право, основанное на общепризнанных принципах и нормах международного права. Оно признается и наполняется разными правами этносов, которые сопрягаются с их статусом и создают реальные условия для сохранения идентичности соответствующих этнических сообществ и их развития. При этом реализация права на самоопределение обеспечивается Конституцией РФ и федеральным законодательством и в заданных ими параметрах — законодательством и иными мерами, принимаемыми в субъектах Российской Федерации.

⁵⁷ См.: СЗ ХМАО — Югры. 2005. № 1, ст. 1277.

⁵⁸ См.: Красный Север. Спецвып. № 109–110. 2007. 10 дек.

⁵⁹ См.: там же. Спецвып. № 37/1. 2015. 4 июня.

⁶⁰ См.: там же. 2011. 28 июня.

Республика Карелия в данном отношении – во многом достаточно типичный (по формам, способам, подходам, не решенным проблемам) для России пример осуществления права этносов – карелов, вепсов и финнов – на самоопределение, но со своей спецификой, обусловленной историческими, политическими, демографическими, культурными и иными особенностями этого национально-территориального образования⁶¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авдеева В.П.* Механизмы защиты интеллектуальных прав на нематериальное наследие коренных малочисленных народов // Вестник Сургутского гос. ун-та. Вып. 3 (21). Юрид. науки. Сургут, 2018. С. 4–8.
2. *Андреев К.Ю.* Правовой статус коренных малочисленных народов в зарубежных странах: справочник. М., 2006. С. 37, 38, 89–91, 129–122, 137–140.
3. Всероссийский съезд представителей трудящихся карелов 1–3 июня 1920 г. Первый Всероссийский Съезд Советов 11–18 февраля 1921 г. Протоколы. Петрозаводск, 1990.
4. *Городецкая Н.* Единство нации не выдержало критики // Коммерсантъ. 2017. 7 марта. С. 3.
5. *Горюнов М.* Ни слова по-татарски // Новая газ. 2018. 22 авг. С. 10.
6. *Зотова Н.* Понятие «российская нация» должно быть закреплено в Конституции // Новая газ. 2016. 2 нояб. С. 5.
7. *Иванова А.* Гренландский хит // Коммерсантъ. 2008. 27 нояб. С. 10.
8. *Иноземцева В.А.* Национальная политика Республики Карелия по этнокультурному развитию коренных народов // Карелия – приграничный регион России в XX–XXI веках: формирование и становление карельской государственности в составе СССР/ России: сб. докладов Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию образования карельской государственности (7–8 июля 2018 г., г. Петрозаводск) / отв. ред. О.И. Кулагин. Петрозаводск, 2018. С. 117.
9. *Караетян Л.М.* Федеративное государство и правовой статус народов. М., 1995. С. 55.
10. *Кокотов А.Н.* Русская нация и российская государственность. Екатеринбург, 1994. С. 60.
11. Конституция Республики Карелия (с изм. на 01.07.2019 г.) // Карелия. 2001. № 18 (718).
12. *Кравец И.А.* Глобальный и отечественный конституционализм в условиях формирования интеграционного права: конституционная теология, футуризм и структура современных конституций // Право и политика. 2019. № 10. С. 1–23.
13. *Кряжков В.А.* Государственный язык республики в контексте карельской ситуации: конституционно-правовые вопросы // Государство и право. 2018. № 5. С. 52–59.
14. *Кряжков В.А.* Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М., 2010. С. 153–156, 406–440.
15. *Курбатов Р.* Если мой язык умрет // Новая газ. 2019. 16 сент. С. 12.
16. *Митюков М.А.* О правовом положении Трудовой коммуны как формы автономии // Актуальные вопросы правоведения в период совершенствования социалистического общества: сб. ст. / отв. ред. В.Ф. Волович. Томск, 1989. С. 52, 53.
17. *Осинов А.Г.* Международно-правовые аспекты культурной автономии // Право. Журнал ВШЭ. 2012. № 3. С. 163.
18. *Руденко В.Н.* Формы алеаторной демократии: генезис и развитие // Науч. ежегодник Института философии и права Урал. отд. РАН. Т. 18. Вып. 4. 2018. С. 97–125.
19. *Сафина С.Б.* Современное состояние и пути совершенствования конституционного законодательства республик в составе Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 25–27.
20. Советы Карелии. 1917–1992. Документы и материалы. Петрозаводск, 1993.
21. *Соколовский С.В.* Образы других в российской науке, политике и праве. М., 2001. С. 122.
22. *Строгальщикова З.И.* Вепсы в этнокультурном пространстве Европейского Севера. Петрозаводск, 2016. С. 143–150.
23. *Строгальщикова З.И.* Этнические процессы в Карелии в постсоветский период (особенности реализации этносоциальной политики) // Этнокультурные и этнополитические процессы в Карелии от Средних веков до наших дней / науч. ред. О.П. Илюха. Петрозаводск, 2019. С. 273–302.
24. *Филиппова Н.А.* Языковая, культурная и религиозная идентичность коренных народов: новые региональные практики обеспечения в Сибири // Мир Большого Алтая. 2019. № 5 (3). С. 435.
25. *Хабриева Т.Я.* Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. М., 2010. С. 30, 139.
26. *Шестаков Е.* Швамбрания во льдах // Росс. газ. 2009. 21 мая. С. 6.

⁶¹ Об особенностях становления и развития карельской государственности и этнических сообществ Карелии (см.: *Строгальщикова З.И.* Этнические процессы в Карелии в постсоветский период (особенности реализации этносоциальной политики) // Этнокультурные и этнополитические процессы в Карелии от Средних веков до наших дней / науч. ред. О.П. Илюха. Петрозаводск, 2019. С. 273–302).

REFERENCES

1. *Avdeeva V.P.* Mechanisms of protection of intellectual rights to the intangible heritage of indigenous peoples // Herald of the Surgut state University. Vol. 3 (21). Legal science. Surgut, 2018. P. 4–8 (in Russ.).
2. *Andreev K. Yu.* Legal status of indigenous small-numbered peoples in foreign countries: Handbook. M., 2006. P. 37, 38, 89–91, 129–122, 137–140 (in Russ.).
3. All-Russian Congress of representatives of Karelian workers June 1–3, 1920 First all-Russian Congress of Soviets February 11–18, 1921 Protocols. Petrozavodsk, 1990 (in Russ.).
4. *Gorodetskaya N.* Unity of the nation did not stand up to criticism / Kommersant. 2017. March 7. P. 3 (in Russ.).
5. *Goryunov M.* Not a word in Tatar // Novaya Gazeta. 2018. 22 Aug. P. 10 (in Russ.).
6. *Zotova N.* The concept of “Russian nation” should be enshrined in the Constitution // Novaya Gazeta. 2016. 2 Nov. P. 5 (in Russ.).
7. *Ivanova A.* Greenlandic hit // Kommersant. 2008. 27 Nov. P. 10 (in Russ.).
8. *Inozemtseva V.A.* National policy of the Republic of Karelia on the ethno-cultural development of indigenous peoples // Karelia-border region of Russia in the XX–XXI centuries: formation and formation of Karelian statehood in the USSR / Russia: collection of international reports. science-practice Conf., dedicated to the 100th anniversary of the formation of Karelian statehood (July 7–8, 2018, Petrozavodsk) / rel. ed. O.I. Kulagin. Petrozavodsk, 2018. P. 117 (in Russ.).
9. *Karapetyan L.M.* The Federal state and the legal status of peoples. M., 1995. P. 55 (in Russ.).
10. *Kokotov A.N.* Russian nation and Russian statehood. Yekaterinburg, 1994. P. 60 (in Russ.).
11. Constitution of the Republic of Karelia on 01.07.2019 g // Karelia. 2001. No. 18 (718) (in Russ.).
12. *Kravets I.A.* Global and domestic constitutionalism in the context of the formation of integration law: constitutional theology, futurism and the structure of modern constitutions // Law and politics. 2019. No. 10. P. 1–23 (in Russ.).
13. *Kryazhkov V.A.* State language of the Republic in the context of the Karelian situation: constitutional and legal issues // State and Law. 2018. No. 5. P. 52–59 (in Russ.).
14. *Kryazhkov V.A.* Indigenous peoples of the North in Russian law. M., 2010. P. 153–156, 406–440 (in Russ.).
15. *Kurbatov R.* If my language dies // Novaya Gazeta. 2019. 16 Sept. P. 12 (in Russ.).
16. *Mityukov M.A.* On the legal status of the Labor commune as a form of autonomy // Topical issues of jurisprudence in the period of improvement of the socialist society: collection of articles / rel. ed. V.F. Volovich. Tomsk, 1989. P. 52, 53 (in Russ.).
17. *Osipov A.G.* International legal aspects of cultural autonomy // Law. Journal of higher school of Economics. 2012. No. 3. P. 163 (in Russ.).
18. *Rudenko V.N.* Forms of aleatoric democracy: Genesis and development. Scientific Yearbook of the Ural Institute of Philosophy and Law of the Ural branch of the RAS. Vol. 18. Issue 4. 2018. P. 97–125 (in Russ.).
19. *Safina S.B.* Modern state and ways of improving the constitutional legislation of the republics within the Russian Federation: abstract ... Doctor of Law. M., 2019. P. 25–27 (in Russ.).
20. Councils of Karelia. 1917–1992. Documents and materials. Petrozavodsk, 1993.
21. *Sokolovsky S.V.* Images of others in Russian science, politics and law. M., 2001. P. 122 (in Russ.).
22. *Strogalschikova Z.I.* Vepsy in the ethno-cultural space of the European North. Petrozavodsk, 2016. P. 143–150 (in Russ.).
23. *Strogalschikova Z.I.* Ethnic processes in Karelia in the post-Soviet period (features of the implementation of ethno-social policy) // Ethno-Cultural and ethno-political processes in Karelia from the Middle ages to the present day / scientific ed. O.P. Ilyukha. Petrozavodsk, 2019. P. 273–302 (in Russ.).
24. *Filippova N.A.* Language, cultural and religious identity of indigenous peoples: new regional security practices in Siberia // World of the Bolshoy Altay. 2019. No. 5 (3). P. 435 (in Russ.).
25. *Khabrieva T. Ya.* Modern problems of self-determination of ethnic groups: comparative legal research. M., 2010. P. 30, 139 (in Russ.).
26. *Shestakov E.* Shvambraniya in the ice // Russ. newspaper. 2009. May 21. P. 6 (in Russ.).

Сведения об авторе

КРЯЖКОВ Владимир Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор Департамента дисциплин публичного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; 101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Authors' information

KRYAZHKOV Vladimir A. – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Public Law Disciplines of the National Research University Higher School of Economics; 20 Myasnitskaya str., 101000 Moscow, Russia